

А. П. Краснящих

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Инфантилизм и псевдоинфантилизм в американской литературе XX века

Краснящих А. П. Инфантилизм и псевдоинфантилизм в американской литературе XX столетия. Тенденция до самоидентификации, освидомления себе Північною Америкою кризь образ дитини, теми дитинства та мотив ювенальності, видозмінюючись та набуваючи різних форм, тримається в американській літературі протягом усього XX століття. Якщо інфантилістський (умовно кажучи, «фолкнерівський») етап у розвитку теми дитинства та образу дитини в американській літературі розглядати як реакцію на первісний («марк-твенівський») етап, а псевдоінфантилістський — як реакцію на «фолкнерівський», то, із цього погляду, на рубежі XX і XXI століть у літературі США відбувається ще одна реакція на реакцію, пов'язана із творчістю Чака Паланіка. Шлях американської літератури від Марка Твена до Чака Паланіка, якщо дивитися на неї кризь призму теми дитячості й образ дитини як справжнього американця, відзначений такими віхами (літературними фігурами): 1) душевно міцні й здорові юні американці Том Соєр і Гек Фінн; 2) тридцятирічний Бенджі Компсон — клінічний ідіот, який залишився на рівні розвитку шестирічного; 3) Рендел Макмерфі, який імітує божевілья; 4) Віктор Манчіні, який страждає роздвоєнням особистості.

Ключові слова: *інфантилізм, псевдоінфантилізм, література США, образ дитини, тема дитинства, мотив дитячості.*

Краснящих А. П. Инфантилизм и псевдоинфантилизм в американской литературе XX века. Тенденция самоидентифицирования, осознания себя Северной Америкой через образ ребенка, темы детства и мотив ювенальности, видоизменяясь и принимая различные формы, держится в американской литературе в течение всего XX века. Если инфантилистский (условно говоря, «фолкнеровский») этап в развитии темы детства и образа ребенка в американской литературе рассматривать как реакцию на первоначальный («марк-твенновский») этап, а псевдоинфантилистский — как реакцию на «фолкнеровский», то, с этой точки зрения, на рубеже XX и XXI веков в литературе США происходит еще одна реакция на реакцию, связанная с творчеством Чака Паланника. Путь американской литературы от Марка Твена до Чака Паланника — если смотреть на нее сквозь призму темы детскости и образа ребенка как настоящего американца — отмечен следующими вехами (литературными фигурами): 1) душевно крепкие и здоровые юные американцы Том Соєр и Гек Финн; 2) тридцатитрехлетний, оставшийся на уровне развития шестилетнего, клинический идиот Бенджі Компсон; 3) имитирующий сумасшествие Рэнделл Макмерфи; 4) страдающий раздвоением личности Виктор Манчини.

Ключевые слова: *инфантилизм, псевдоинфантилизм, литература США, образ ребенка, тема детства, мотив детскости.*

Krasniashchykh A. P. Infanthility and pseudoinfanthility in 20th century American literature. A self-identification tendency, as well as North America's self-realization through a child image, infancy subjects and juvenility motif, although altering in forms and details, held their grounds firmly through all 20th century. Treating the "infantilistic" (speaking conditionally, "Faulknerian") stage in development of the infancy motif in the American literature as a response to the primary ("Marktwainian") stage leads to an important discovery that now, on the turn of 21th century, yet another "response to the response" (concerned mostly with Chuck Palahniuk's works) is taking place. The path from Mark Twain to Chuck Palahniuk traversed by the American literature is marked by such milestones (literary figures): 1) good-spirited, robust young Americans Tom Sawyer and Huck Finn; 2) Benjie Compson, a thirty-year-old clinical idiot stuck in the six-year-old phase; 3) insanity-simulating Rendell McMurphie; 4) schizophrenic Victor Mancini.

Keywords: *infanthility, pseudoinfanthility, US literature, child image, infancy subject, childishness motif.*

Литература США — одна из самых молодых национальных литератур, к тому же, в отличие от большинства других, не имеющая явных фольклорных корней (индейский и негритянский фольклоры хоть и оказали на ее развитие определенное влияние, но все же не стали основополагающими ее компонентами — так, как в литературах Латинской

Америци). Держась поначалу в русле (и, частично, в тени) литературных направлений Европы, ближе к середине XIX века литература США благодаря Ф. Куперу (фронтир, кодекс чести настоящего мужчины), Г. Торо (теория «гражданского неповиновения»), У. Уитмену (идеи «мировой демократии») и космизма человека), Г. Мелвиллу и другим

писателям, их творчеству, формирует собственный национальный характер и даже создает два новых литературных жанра — детективный и новеллу ужасов (оба — Э. По). Однако как отдельную от европейской американская литература в ту эпоху еще себя не мыслит и поэтому не считает себя ни слишком юной, ни начинающей по сравнению со старыми мировыми литературами.

Литературное отделение Северной Америки от Европы началось в конце XIX века с национальных романов Марка Твена, и началось оно с образа ребенка и мотива детства и детскости. В романах «Приключения Тома Сойера» (1876) и «Приключения Гекльберри Финна» (1884) — о последнем Э. Хемингуэй сказал, что вся американская литература вышла из этой великой книги — жизненная крепость, дерзкий юмор и душевная отзывчивость юных американцев противопоставлены косности, лицемерию и фальши взрослого мира — той Америки, что некогда была сформирована Европой: европейскими переселенцами, их религиозными и политическими убеждениями и традициями. Начиная с Марка Твена, Новый Свет в своей литературе осознает себя иным, отдельным и, главное, молодым по отношению к культуре Старого Света с ее устаревшими принципами и ценностями.

Эта тенденция — самоидентифицирование, осознание себя Северной Америкой через образ ребенка, темы детства и мотив ювенальности — видоизменяясь и принимая различные формы, продержится в американской литературе в течение всего XX века.

Характером развития и проблематикой американской литературы XX века занимались многие ведущие литературоведы, среди отечественных — Н. Высоцкая [2], Т. Денисова [4] и А. Козлов [6], среди российских — Н. Анастасьев [1], Б. Гиленсон [3], А. Зверев [5], — однако проблема инфантилизма и псевдоинфантилизма литературы США XX века как одна из форм заявленной выше литературной тенденции, насколько нам известно, ни ими, ни западными учеными не рассматривалась. Тем не менее, при анализе и исследовании она способна выявить в характере американской литературы новые специфические черты, важные для понимания путей ее развития.

Поэтому целью данной статьи становится определение идейно-художественных параметров данной тенденции, а задачами — анализ закономерностей ее проявлений в творчестве американских писателей XX века и вариативности этих проявлений.

Итак, продолжим. После национальных романов Марка Твена не только американская литература осознает себя через мотив детства и образ ребенка, но и вскоре европейская — старая — литература начинает воспринимать американскую посредством этого мотива и этого образа. Если в XIX веке Новый Свет предстал в глазах европейца как нечто полусвое-получужое, другой Европой, только более дикой и экзотичной, то в XX веке Северная Америка для Европы и ее литератур — это нечто абсолютно другое, чужое, новое и даже не поддающееся осмыслению при помощи традиционных критериев и подходов. Именно такой — непонятной, юной, иной (а еще — непосредственной, витальной) выглядит Америка в изображении ее европейскими литераторами. Недаром Франц Кафка свой первый абсурдистско-сновиденческий роман назвал «американским» (Макс Брод, друг и душеприказчик Кафки, публикуя в 1927 году безымянную рукопись незаконченного романа, дает ему название «Америка») и делает Америку местом действия своего произведения, а главным героем — шестнадцатилетнего Карла Росмена — невинного, наивного и просто-сердечного. Характерно, что черты детскости можно найти даже в образах «плохих» взрослых американцев, например, в «Господине из Сан-Франциско» (1915) И. Бунина или в «Мистере Твистере» (1933) С. Маршака.

Однако вернемся к самосознанию американской литературы. Трудно определить точно, когда, в чьих текстах американская литература впервые ощутила, что мотив детскости и образ ребенка являются ее национальным брендом — таким же, как образы индейцев и ковбоев, описание прерий и фронта, «золотой лихорадки», как идеи «мировой демократии» и «гражданского неповиновения» и др. Брендом, который успешно презентует Америку в глазах Европы, который с легкостью впитывает и кристаллизует такие важные для этой презентации национальные понятия, как «американская мечта» и «американский идеал», а значит — брендом, интерес к которому следует всемерно поддерживать. Уже в «северных» циклах рассказов Дж. Лондона герои — как дети, так и взрослые — изображаются посредством ювенальных характеристик: непостоянства, прямодушия, максималистичности, они романтичны и открыты всем людям и жизни как таковой. Таков же — с учетом специфики хемингуэевского художественного мира — и Ник Адамс

в сборнике рассказов «В наше время» (1925) и многие другие герои Э. Хемингуэя.

«Взрослых детей» и «детский мир» можно без труда разглядеть и в рассказах О. Генри, и в романах Дж. Дос Пассоса, С. Льюиса и Ф. С. Фицджеральда. Причем в романах Ф. С. Фицджеральда, как и в романах Э. Хемингуэя, «детскость» все больше и больше приобретает видоизмененные черты: детская непосредственность превращается в эксцентричность, максимализм — в бунтарство против мира вообще, а жизнерадостность — в веселую агрессивность. Бунтарство и агрессивность в героях Э. Хемингуэя и Ф. С. Фицджеральда еще не главные качества; главными, определяющими они станут у героев У. Фолкнера, в характере которых агрессивность неповзрослевших, глубоко обиженных на мир детей перерастает в манию, неконтролируемую жажду насилия и страстное желание разделаться с этим миром (Джо Кристмас из «Света в августе» [1932]), а эксцентричность — в психопатологию (Бенджи Компсон, «Шум и ярость» [1929]). (Разумеется, наряду с патологическими инфантилами в текстах У. Фолкнера встречаются и вполне нормальные дети и взрослые — так что абсолютизировать эту тенденцию было бы неверным, к тому же в поздних произведениях, например в «Осквернителе праха» [1948] У. Фолкнер обращается к традиционной [т.е. нормированной] подаче образа молодой Америки и юного американца: честного, прямодушного, с обостренным чувством человечности и справедливости, вообще — для полноты картины с У. Фолкнером следует сказать, что, по мнению многих его исследователей, история возмужания мальчика и открытия им окружающего мира — типичный для У. Фолкнера и даже излюбленный им сюжет.)

Однако, по всей видимости, ни в текстах У. Фолкнера, ни, тем более, в текстах Ф. С. Фицджеральда и Э. Хемингуэя американская литература еще не имеет дело с псевдоинфантилизмом; их герои — неповзрослевшие, вернее — недовзрослевшие дети, которым — вследствие исторических катастроф — не дали возможности нормально повзрослеть и, исчерпав естественный путь движения от ребенка к мужчине, стать полноценным взрослым человеком: ответственным за свои поступки и адекватно, реалистически воспринимающим окружающую действительность. Художественный мир Э. Хемингуэя, как и художественный мир У. Фолкнера, не предполагает иронической интонации по отношению к таким героям и воспи-

тывает в читателе соответствующее — серьезное, сочувственное — отношение к ним в их качестве инфантилов.

Новое звучание — но все еще не псевдоинфантилизм — тема инфантилизма получает в романе (да и во всем немногом творчестве) Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951), в котором шестнадцатилетний Холден Колфилд панически боится и не хочет взрослеть — становится таким же лживым, двуличным приспособленцем, как все взрослые — и мечтает спасти маленьких детей от пропасти взросления. Если фолкнеровские герои являются инфантилами, не осознающими, что они инфантилы, и несут его бремя как своего рода первородный грех цивилизации и сложившихся исторических условий, то для Холдена Колфилда невзросление — принципиальная осознанная позиция, если так можно выразиться, гражданский выбор (в творчестве Дж. Д. Сэлинджера мотив детскости и образ ребенка вбирают в себя еще один традиционный американский бренд — идею гражданского неповиновения).

Таковыми же — бунтующими против закрепощенного фальшью и потребительством «взрослого» мира — предстают в середине 1950-х и герои битнической литературы в произведениях А. Гинзберга, Дж. Керуака и др. Однако уже в начале 1960-х тема инфантилизма в литературе США все больше и больше приобретает иронический, саморефлексирующий оттенок и превращается в тему псевдоинфантилизма, а герои-инфантилы — в героев-псевдоинфантилов: взрослых людей, специально вырабатывающих в себе детскость, чтобы противостоять никуда не годному — ни с точки зрения морали, ни с точки зрения культуры — окружающему их миру. Это уже не неповзрослевшие дети фолкнеровских времен, а взрослые люди, прошедшие естественный путь от детства к возмужанию, но, увидев, что этот «взрослый мир» на самом деле из себя представляет, вернувшиеся по той же дороге в детство. Это — а также сквозная, как и во всем постмодернизме (а 1960-е — это время перехода всей культуры на постмодернистские рельсы), ирония, в том числе и самоирония — характеризуют тему псевдоинфантилизма и отличают героя-псевдоинфантила от инфантила. Герой-псевдоинфантил, по сути, добр и неагрессивен, у него вполне реалистичное отношение к миру, к его нравственным изъянам и порокам, но он, псевдоинфантил, предпочитает смотреть на мир глазами ребенка: непосредственного, живущего по своим — детским — правилам и не прини-

мающего правил «взрослого мира». Героя-псевдоинфантила в полной мере характеризует христианская установка «будьте как дети», более того, псевдоинфантил американской литературы и есть Иисус Христос своей эпохи. Рэнделл Макмерфи из «Над кукушкиным гнездом» (1962) К. Кизи, Дон Шимода из «Иллюзий» (1977) Р. Баха, герои «Козлоюноши Джайлса» (1966) и «Заблудившись в комнате смеха» (1968) Дж. Барта, «В арбузном сахаре» (1964) и «Аборта» (1966) Р. Бротигана — как неоднократно указывалось литературной критикой, это образы, отсылающие читателя непосредственно к фигуре Иисуса Христа и его крестному пути. Они такие же преступники перед миром и обществом, каким был основатель христианства. (Справедливости ради следует отметить, что к образу Христа мотив детскости в американской литературе апеллировал еще на предыдущем этапе, в творчестве У. Фолкнера, однако тогда эти «апелляции» еще были единичными, тенденцией же они стали именно в эпоху постмодернизма.)

Если инфантилистский (условно говоря, «фолкнеровский») этап в развитии темы детства и образа ребенка в американской литературе рассматривать как реакцию на первоначальный («марктовеновский») этап, а псевдоинфантилистский — как реакцию на «фолкнеровский», то, с этой точки зрения, на рубеже XX и XXI веков в литературе США происходит еще одна реакция на реакцию, связанная с творчеством Чака Паланика. Герои его романов: «Невидимок» (1992), «Уцелевшего» (1999), «Дневника» (2003) — это псевдоинфантилы, сознательно не принимающие общество потребления и бунтующие против него, но подсознательно (отсюда перенасыщенность его, Ч. Паланика, художественного мира двойниками) всеми силами стремящиеся укорениться в этом обществе. Это конформисты и нонконформисты одно-

временно, в их характерах уживаются бунтарство и полная апатия, агрессивность и доброта, стремление к насилию и жажда социальной справедливости. Особенно это хорошо видно на примере героя романа «Удушье» (2001) Виктора Манчини — двадцатитрехлетнего афериста и сексоголика, — который узнает, что является — в глазах своей матери — Иисусом Христом, и которому, чтобы повзрослеть, необходимо свою мать убить. Виктор Манчини, как и герои других романов Ч. Паланика, — это инфантильный псевдоинфантил, взрослый человек, сложивший с себя ответственность за происходящее в мире и вернувшийся в детство, но не нашедший там защиты от своих страхов и комплексов и теперь пытающийся отыскать способ снова стать взрослым. Что ему никак не удается.

Таким образом, путь американской литературы от Марка Твена до Чака Паланика — если смотреть на нее сквозь призму темы детскости и образа ребенка как настоящего американца — отмечен следующими вехами (выделим только самые знакомые, ключевые для этого пути литературные фигуры): 1) душевно крепкие и здоровые юные американцы Том Сойер и Гек Финн; 2) тридцатитрехлетний, оставшийся на уровне развития шестилетнего, клинический идиот Бенджи Компсон; 3) имитирующий сумасшествие Рэнделл Макмерфи; 4) страдающий раздвоением личности Виктор Манчини.

Разумеется, данная статья — в силу широты самой темы — не может претендовать на полноту охвата материала. Так, за ее пределами осталось творчество Дж. Апдайка, Дж. Ирвинга, Г. Миллера, Э. Олби, Н. Мейлера, У. Сарояна и многих других американских писателей, безусловно, также интересное для рассмотрения в контексте выявленной тенденции.

Литература

1. Анастасьев Н. А. Владелец Йокнапатофы / Н. А. Анастасьев. — М. : Книга, 1991. — 413 с.
2. Висоцька Н. О. Єдність множинного. Американська література кінця XX — початку XXI ст. у контексті культурного плюралізму / Н. О. Висоцька. — К. : Видавничий центр КНЛУ, 2010. — 456 с.
3. Гиленсон Б. А. История литературы США / Б. А. Гиленсон. — М. : ИЦ «Академия», 2003. — 704 с.
4. Денисова Т. Н. Історія американської літератури / Т. Н. Денисова; НАН України, Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2012. — 486 с.
5. Зверев А. М. Дворец на острие иглы : Из художественного опыта XX века / А. М. Зверев. — М. : Советский писатель, 1989. — 410 с.
6. Козлов А. С. Литературоведение Англии и США XX века / А. С. Козлов. — Симф. : Таврида, 1994. — 248 с.